

ОСОБЕННОСТИ ВИЗУАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ГЕРОЕВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Я. Н. Дегтева

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова

Поступила в редакцию 4 августа 2022 г.

Аннотация: Настоящая статья является продолжением исследования особенностей визуальности в художественных произведениях Ф. М. Достоевского и посвящена изучению функционирования прямых и косых взглядов героев.

Ключевые слова: Достоевский, прямой взгляд, косой взгляд, визуальность, невербальная коммуникация.

Abstract: *the present article is the research's continuation of special aspects of visuality in F. M. Dostoevsky's artistic works, and this paper is about observation of functioning for characters' direct gazes and indirect views (or side glances).*

Keywords: *Dostoevsky, direct gaze, indirect view, side glance, visuality, nonverbal communication.*

Невербальное общение в творчестве Ф. М. Достоевского достаточно активно исследовалось и исследуется в настоящее время, основное внимание уделяется жестам и позам, но не вызывает сомнений значимость визуального поведения героев в поэтике писателя [1; 2; 3]. Как отмечалось ранее, визуальные образы художественных произведений этого автора в большинстве своем миметичны реалиям XIX в., многие из них принадлежат традиции «петербургского текста», что дает основания рассматривать визуальность в контексте общественных и межличностных отношений [4]. С учетом антропоцентричности прозы Ф. М. Достоевского обращение к оптической теме представляется одним из наиболее перспективных направлений исследований его творчества. Анализ визуальности в художественной прозе писателя требует междисциплинарного подхода, поскольку в текстах отражены закономерности невербальной коммуникации, значительно позже открытые и подробно изложенные учеными-психологами.

Взгляды, изображенные автором, классифицируются по различным основаниям: по принадлежности субъекту, соответствию скопическому режиму, отношению к действительности, направленности, интенсивности и т.д. Большую информативность несут прямые и косые взгляды персонажей. Упоминаний первых достаточно много, но целесообразно обратить внимание и на вторые, статистическая частота которых относительно мала, что, однако, не снижает их значимости для нарратива [5].

В современном русском языке слово «косой» является антонимом «прямого» [6]. Обращение к толковому словарю В. И. Даля показывает, что к такому пониманию пришли не сразу. Словосочетание «прямой взгляд»

не отражено отдельно, но лексема «прямоглазый» объяснена через противопоставление «кривому». Перечислены разновидности взглядов: исподлобья, прямой, резкий, скрытный и пр. Слову «косой» (ограничимся рамками окуlesiки, исключив при этом аномалии развития) уделено больше внимания. Например, приведена пословица «Косой не кривой», что в общем виде указывает на отсутствие явной оппозиции понятий «прямой» и «косой». По коммуникативному значению косой взгляд аналогичен взгляду исподлобья и связан с негативными состояниями человека — недоверием, неудовольствием, враждебностью. В этом контексте выделяется слово «косоуриться» (синоним — «коситься») — сердиться на кого-либо или выражать нежелание доброжелательно контактировать [7].

Современник Ф. М. Достоевского, святитель Филарет Московский (Дроздов), оставивший обширное научное и литературное наследие, исключительно грамотный человек и знаток русского языка, также связывал косые взгляды и межличностное общение: «Косые взгляды, несправедливо бросаемые, сносите, не отвечая косыми взглядами, а просто. Не бойтесь: это не стрелы. Для избежания косых взглядов не должно же впадать в человекоугодие и поощрять честолюбцев» [8]. Цитата отражает христианское отношение к подобным взорам и содержит совет, как на них реагировать.

Таким образом, в словоупотреблении XIX в. отсутствовало явное противопоставление понятий «прямой» и «косой», но очевидны негативные коннотации второй лексемы в описании невербальной коммуникации, а «косой взгляд» как фразеологическая единица и в настоящее время обозначает в речи неодобрение или недоверие [9].

Современное толкование прямого взгляда акцентирует не столько его траекторию и направленность, сколько выражение откровенности и правдивости.

В то же время косой взор предполагает направленность в сторону и транслирует недовольство, недоверие, подозрительность, недружелюбность [10; 11].

Эти определения отчасти согласуются с данными окулесики. Г. Е. Крейдлин приводит примеры из русской культуры: беседы развлекательного характера стимулируют прямые взгляды (рассказчик контролирует реакцию слушателя), в то время как разговор на «щекотливую для адресата тему» вынуждает отводить глаза [Цит. по: 12, 384]. Это объясняется, во-первых, соблюдением этикета, во-вторых, стремлением снизить напряжение от обсуждения волнующих тем за счет успокаивающего коммуникативного сигнала — отведения глаз от собеседника [12]. Естественно, эти примеры не универсальны, в силу чего не отражают значения различных видов взглядов, закрепленных в тезаурусе.

Известный специалист по невербальной коммуникации А. Пиз также отмечает напряжение, которое испытывают люди от прямого взгляда, однако делает акцент на отношениях между ними: родственники, друзья или влюбленные раздражаются меньше. То есть, чем ближе люди духовно, тем проще им смотреть друг на друга прямо. В то время как взгляд искоса передает интерес (вплоть до флирта) или недружелюбие. Для конкретизации необходимо оценить мимику собеседника и соотнести с коммуникативной ситуацией [13].

С позиции феноменологии логичным представляется избегание прямого (особенно продолжительного) взгляда в общении с лицом, превосходящим смотрящего по статусу, так как он символически сокращает социальную дистанцию, предписанную общепринятыми нормами поведения, т.е., по мнению М. Мерло-Понти, «приближает его к себе взглядом...» [Цит. по: 14, 14]. Отсюда следует, что направлять прямой взгляд на человека — значит вторгаться в его личное пространство.

Итак, реакция на взгляд обусловлена не только личностными характеристиками человека и отношениями с окружающими, но и регулируется культурно-специфическими представлениями о приличиях. Кроме того, при анализе невербальных компонентов коммуникации необходимо учитывать хронотоп [15]. Ориентация на него помогает интерпретировать взоры адекватно описываемой реальности. Один и тот же взгляд в отличающихся пространственно-временных условиях воспринимается героями по-разному.

Прямой взгляд в целом связывается с доверительными отношениями, хотя может вызвать дискомфорт, и регулируется правилами этикета. Косой взгляд сложнее в интерпретации — здесь и избегание прямого контакта глаз, и интерес (потребность в получении информации), и враждебность или недоверие. Одними и теми же словами, характеризующими визуальное поведение, могут быть обозначены различные состояния, поэтому толкование косого взгляда требует учета коммуникативного контек-

ста и хронотопа. Несмотря на все отличия, явной оппозиции прямых и косых взглядов не наблюдается.

В текстах Ф. М. Достоевского обнаруживаются следующие смыслы. Прямой, особенно пристальный взгляд, на собеседника, с одной стороны, коррелирует со степенью интимности отношений, с другой, отвечает характеру аксиологической картины мира современников автора [4]. Целесообразно отметить, что прямой взгляд на «вышестоящего» человека — начальника, родителя — или незнакомца в художественной реальности писателя включается как маркер личностных особенностей персонажа. Обобщенно — это или бунтарь, противоречивая личность, или человек с патологиями.

Естественно, прямой взгляд на должностное лицо или специалиста при исполнении им обязанностей вполне оправдан с точки зрения культуры общения. Возможно, поэтому Крестьян Иванович и Порфирий Петрович сдержанно реагируют на поведение явно отклоняющихся (и не только в скопическом режиме) оппонентов [16; 17]. Доктор медицины и хирургии Рутеншиц, несмотря на неудовольствие от визуального поведения Голядкина, сохраняет самообладание и продолжает выполнять свою работу. То же касается и следователя — он реагирует на прямые взгляды, обращенные к нему как к должностному лицу, адекватно, не показывая недовольства.

Иеросхимонах Зосима, неся духовное служение, также подвергается воздействию пристальных взоров, которые не только не смущают, но дают ориентир, помогают общаться с теми, кто к нему обратился. Смотрящих не осуждают, и представляется естественным, что кто-то пришел не просить исцеления или благословения, а просто увидеть старца [18].

Каторжный хронотоп в произведениях писателя отличается напряженностью и ритуальностью общения, персонажи отвечают за каждый поступок, поэтому пустословы и «добровольные весельчаки» не одобряются. Один из таких весельчаков, Варламов, заглядывает в глаза «старичку» Горянчикову, чтобы показать свое особое расположение, уважение и выпросить деньги [19]. Естественно, Александр Петрович удовлетворяет его просьбу. Показательны взоры Настасьи Ивановны, бесконечно доброй с арестантами и заботящейся о них. Ей можно прямо смотреть на своих гостей (не просто в их сторону — в глаза), и это часть той поддержки, которую она оказывает [19, 68].

Соня Мармеладова тоже посылно благодетельствует полюбившим ее каторжанам, которые, не скрываясь, смотрят ей вслед, провожают взглядами [17]. И это никого не смущает, не вызывает напряжения.

Иными словами, в произведениях Ф. М. Достоевского допустимым представляется прямой взгляд, изображенный в контексте откровенного признания или исповеди, следственных действий или оказания помощи. Даже если персонаж, на которого направлен взгляд, чувствует дискомфорт, он не прерывает обще-

ние, учитывая ситуацию. И наоборот, человек, помогающий или выполняющий свои обязанности, может смотреть на гостя, собеседника, пациента и т.д., используя прямой взор как инструмент коммуникации.

Однако художественная реальность автора не ограничивается изображением соблюдения правил скопического режима: не все герои согласны сокращать дистанцию между собой и кем-то, по их мнению, недостойным этого. Порох, несмотря на нахождение «в присутствии», так обиделся на прямой и продолжительный взгляд Раскольникова, что вступил в перепалку [17]. Этому есть некоторое объяснение: во-первых, Илья Петрович честолюбив, имеет сложный характер, вполне соответствующий его фамилии, во-вторых, он с нескрываемым удовольствием вспоминает свой полк, вероятно, не до конца еще идентифицируя себя с новой должностью и местом службы, поэтому и реакции поручика отличаются от поведения Порфирия Петровича или Никодима Фомича.

Голядкин-младший, помогая Голядкину-старшему, делает это «для <...> насмешки», поэтому, как следует из рефлексии последнего, смотрит «с высоты лестницы, прямо и не смигнув глазом, в глаза» не потому, что хочет удостовериться в благополучии провожаемого или поддержать его, а «по свойственной ему подлости» [Цит. по: 16, 218]. Формально «близнец» не нарушает этикета, но понимание его мотивов дает основания для негативной оценки такого коммуникативного сигнала.

Присутствуют в произведениях и откровенно невежливые взгляды, сопровождающиеся комментарием рассказчика. Герой повести «Двойник», находясь в кризисе, «почти неприличным, невежливым образом смотрит на одного весьма почтенной наружности старичка, который, <...>, тоже не сводил глаз с» нарушающего его личные границы человека в «неприличном костюме» [Цит. по: 16, 207–208].

Может показаться, что дело здесь исключительно в одежде и социальной дистанции, однако респектабельного вида Свидригайлов перед «отъездом в Америку» пристально смотрел на совершенно незнакомого человека, выбранного им в «официальные свидетели», не произнося ни слова: «Ахиллеса наконец показалось непорядком, что человек не пьян, а стоит перед ним в трех шагах, глядит в упор и ничего не говорит» [Цит. по: 17, 394].

Таким образом, человеку приличному и трезвому не подобает продолжительное время смотреть на незнакомца, не отводя глаз.

Неприемлемо выглядят и дерзкие взгляды прислуги в повестях «Двойник» и «Записки из подполья», они свидетельствуют не только о непочтительном отношении к хозяевам, но и о несостоятельности последних как членов общества, указывает на их неумение поддерживать полученный статус [4; 16; 20].

Прямой взгляд, соответствующий хронотопу и коммуникативной ситуации, помогает воздействовать на собеседника, устанавливая с ним контакт

(в том числе эмоциональный), контролировать общение, получать информацию и не требует пояснений. Автор комментирует в основном прямые взгляды, не вписывающиеся в аксиологическую картину того времени, потому что их функция и роль в повествовании зависят от контекста.

Косые взгляды в тексте однозначно расширяют пространство интерпретации, но нередко нуждаются в оценке рассказчика или персонажа.

От лица Макара Девушкина отмечена одна важная особенность визуальности «бедного» человека, который «и на свет-то божий иначе смотрит, и на каждого прохожего косо глядит» [Цит. по: 16, 68]. Буквально, люди смущают героя, ожидающего насмешки или другого вреда, и сам он не стремится обратить прямой взор им навстречу, не приближается взглядом. Отметим, что и «подпольный» человек несет эту черту визуального поведения, избегая прямых взглядов, постоянно отводя или опуская глаза.

В художественных текстах писателя встречаются формы слова «накоситься» [20, с. 145, 171; 21, с. 17]. Приставка «на» придает глаголу «коситься» несколько иной смысл, обозначая действие, направленное на поверхность или исчерпанность действия (удовлетворенность). Показательно, что камердинер осматривает Мышкина, оценивая материальное положение князя, а Аполлон «накосился» на деньги [Там же]. Эти персонажи обратили поверхностный взор, достаточный для оценки ситуации, на неодушевленные предметы. «Положительно прекрасный» герой тоже получает косые взгляды от Гаврилы Ардалионовича и генерала Епанчина, которые, однако, следят за ним, скрывая недоверие, как за человеком. Для сравнения, Трудолюбов, уделяя внимание парадоксалисту, исполнен презрения («накосясь в мою сторону»), т.е. смотрит на «подпольного» человека, будто перед ним вещь [Цит. по: 20, 145].

Исследование упоминаний невербального общения в «Записках из Мертвого дома» показывает, что косой взгляд помогает арестантам контролировать ситуацию и выражать свое отношение, в основном негативное. Горянчиков переносит эту особенность визуального поведения и в посткаторжную жизнь, косясь даже на женщину, у которой квартирует [19].

Раскольников постоянно привлекает взгляды, выражающие недовольство или неприязнь окружающих. На него косо смотрят многие, в том числе Порох, Лужин и некий мещанин. Когда поручик пытается воздействовать взглядом на Родиона Романовича, тот не идет на поводу и не меняет свое поведение в угоду честолюбцу. Это выглядит, с одной стороны, вызывающе, с другой, позволяет показать различия в мировоззрении героев. Мещанин косится «пристально и внимательно», т.е. пристальным в произведениях Ф. М. Достоевского может быть не только прямой взгляд [Цит. по: 17, 209]. Сам Раскольников взглядом искоса чаще контролирует ситуацию,

а не выражает эмоции, что несколько сближает его с острожными персонажами.

Таким образом, косой взгляд не всегда выражает негативное отношение к собеседнику, но может выступать и как черта визуальности героя, и как следствие избегания зрительного контакта, если прямой взор неуместен или неудобен в конкретной ситуации. Посредством косого взгляда можно также контролировать партнера по общению, не вызывая напряжения, и показывать нежелание сокращать дистанцию, приближаться к нему.

Несмотря на активное обращение к языковым стереотипам для описания визуального поведения героев, Ф. М. Достоевскому удалось создать уникальную в психологическом и культурно-историческом плане картину. Функционирование прямых и косых взглядов в художественной прозе автора обусловлено этикетными нормами XIX в. и связано с раскрытием внутреннего мира личности. Изучение оптических реакций персонажей, находящихся в различных хронотопах, позволяет не только расширить представления о поэтике писателя, но и уточнить художественную антропологию в его текстах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон Р. О визуальной композиции «Преступления и наказания» / Р. Андерсон // Достоевский: Материалы и исследования. — Т. 11. — СПб.: Наука, 1994. — С. 89–95.
2. Zabukovec U. Neverbalni Dostojevski / U. Zabukovec. — Ljubljana: Literarno-umetniško društvo Literatura, 2014. — 342 с.
3. Пухачев С. Б. Поэтика жеста в произведениях Ф. М. Достоевского: на материале романов «Преступление и наказание», «Идиот», «Бесы», «Подросток», «Братья Карамазовы»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. / С. Б. Пухачев. — Великий Новгород, 2006. — 224 с.
4. Дегтева Я. Н. Чужой взгляд и социальная иерархия в творчестве Ф. М. Достоевского / Я. Н. Дегтева // Славянский сборник. Материалы XIII Всероссийских (с международным участием) Славянских Чтений. — Орел: Орловский гос. ин-т культуры, 2018. — С. 87–90.
5. Шайкевич А. Я. Статистический словарь языка Достоевского / А. Я. Шайкевич, В. М. Андрющенко, Н. А. Ребечка; Рос. акад. наук, Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. — М.: Языки славян. культуры (Кошелев), 2003. — 832 с.
6. Словарь антонимов русского языка: около 3200 антонимических пар / М. Р. Львов // Электронная версия, «ГРАМОТА.РУ» [сайт], 2002. — Режим доступа: <http://www.gramota.ru/slovari/dic/?lv=x&word=косой> (дата обращения: 15.06.2022)
7. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В. И. Даль. — М.: Рус. яз. — Медиа, 2006.
8. Святитель Филарет Московский (Дроздов). Письма к архиепископу Иннокентию // Православная энциклопедия «Азбука веры» [сайт]. — Режим доступа: https://azbyka.ru/otechnik/Filaret_Moskovskij/prizovite-boga-v-pomoshh/2 (дата обращения: 15.06.2022).
9. Федоров А. И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13000 фразеол. единиц / А. И. Федоров. — 3-е изд., испр. — М.: АСТ: Астрель, 2008. — 878 с.
10. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. К. С. Горбачевич. — М.; СПб.: Наука. — Т. 8: Каюта-Кюрины, 2007. — 839 с.
11. Большой толковый словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; гл. ред. С. А. Кузнецов. — СПб.: Норинт, 2001. — 1534 с.
12. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика: язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. — М.: НЛЮ, 2002. — 592 с.
13. Пиз А. Язык жестов: О характере и мыслях человека / А. Пиз; Пер. с англ. — Воронеж: МОДЭК, 1992. — 218 с.
14. Мерло-Понти М. Око и дух / М. Мерло-Понти; пер. с фр., предисл. и коммент. А. В. Густыря. — М.: Искусство, 1992. — 63 с.
15. Андреева Г. М. Социальная психология / Г. М. Андреева. — Изд. 5-е, испр. и доп. — М.: Аспект-пресс, 2006. — 365 с.
16. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 1: Бедные люди; Повести и рассказы, 1846–1847. — 1972. — 519 с.
17. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 6: Преступление и наказание: роман: в 6 ч. с эпилогом. — 1973. — 423 с.
18. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 14: Братья Карамазовы: роман: кн. 1–10. — 1976. — 512 с.
19. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 4: Записки из Мертвого дома. — 1972. — 326 с.
20. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 5: Игрок; Повести и рассказы, 1862–1866. — 1973. — 407 с.
21. Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений: в 30 т. / Ф. М. Достоевский; АН СССР Ин-т рус. литературы. Пушкинский дом; под ред. В. Г. Базанова. — Л.: Наука. — Т. 8: Идиот: роман. — 1973. — 511 с.

Воронежский государственный лесотехнический университет им. Г. Ф. Морозова

*Дегтева Я. Н., кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук
E-mail: Degtevayn@vglta.vrn.ru*

*Voronezh State University of Forestry and Technologies
named after G. F. Morozov*

*Dyogteva Y. N., Candidate of Sciences in Philology, Senior Lecturer of the Department of Social Sciences and Humanities
E-mail: Degtevayn@vglta.vrn.ru*